

ПУШКИН И ПОГРОМ (История «устной эпиграммы» поэта)

Один еврей, увидевши, как множество французских солдат с крестами на грудях грабит деревню, сказал: «Как меняются времена! Раньше вешали воришек на крест, а теперь вешают крест на воришек».

Немецкий еврейский анекдот¹

1

В небольшой статье, посвященной остроумию Пушкина, опубликованной в шестом номере «Нового литературного обозрения» за 2018 год,² я постарался, вслед за О. А. Проскуриным,³ реконструировать литературную родословную известной пушкинской шутки о Христе и двух разбойниках, произнесенной на торжественном обеде у Смирдина 19 февраля 1832 года:

Пушкин был необыкновенно оживлен и щедро сыпал остроумия, из которых одну, в особенности, я удержал в памяти. <В. Н.> Семенов (цензор. — И. В.) за обедом сидел между Гречем и Булгариним, а Пушкин vis-à-vis с ним; к концу обеда Пушкин, обратясь к Семенову, сказал довольно громко: «Ты, Семенов, сегодня точно Христос на Голгофе...» Греч заплодировал, а мы все расхотались — один Булгарин сморщился и промолчал...⁴

Эта острота, как мне удалось показать, представляет собой не экспромт, а «культурную цитату», приуроченную поэтом к конкретным лицам и случаю. Она встречается в сборниках анекдотов

¹ «Ein Jude, der einst eine Menge französischer Soldaten ein Dorf plündern sah, worunter viele das Kreuz auf der Brust trugen, sagte: Wie ändern sich doch die Zeiten! Sonst hing man die Diebe an das Kreuz, und jetzt hängt man das Kreuz an die Diebe» (Gmundner Wochenblatt. 1866. № 14. 3 April. S. 179).

² См.: Виницкий И. Ю. Остроумие Пушкина, или Самая фрейдовская шутка поэта // Новое литературное обозрение. 2018. № 6. С. 192—199.

³ См. его статью: Проскурин О. А. Чужие остроты: (Из заметок о культуре острология в эпоху Пушкина и Гоголя). Беззубая собака // Замечательное шестидесятилетие: Ко дню рождения Андрея Немзера. [Б. м.], 2017. Т. 1. С. 266—279.

⁴ Терпигорев Н. Н. Рассказы о Пушкине // Русская старина. 1870. № 6. С. 570.

начиная с эпохи Возрождения в различных вариантах (о мельниках, адвокатах, нотариусах, священниках, бизнесменах, хозяевах гостиниц и т. п.). В классификации анекдотов Эрнеста Боумана она представлена под номером Х313.⁵

Примечательно, что та же самая шутка, восходящая к общему с Пушкиным культурному источнику, была использована Зигмундом Фрейдом в классической книге «Остроумие и его отношение к бессознательному» («*Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*», 1905) как пример идеальной концептуальной остроты, рассчитанной на узнавание слушателем намека. Целью такой остроты является нанесение оскорбления противнику «вместо требуемого заключения», причем те лица, к которым относится оскорбление, занимают высокое положение, что придает шутке рискованный характер. В целом такие тенденциозные остроты представляют собой форму психологической разрядки-удовлетворения, быстрого и неожиданного высвобождения желаний от гнета общественных условий и рационального контроля.

Пушкинскую кощунственную остроту о литературной Голгофе я тогда назвал «самой фрейдовской шуткой» поэта. Но у нее, оказывается, есть не менее оскорбительная конкурентка, каламбурно обыгрывающая тему распятия и вовлекающая в свою орбиту не только литературный быт, но и страшный и печальный исторический опыт.

2

Историк Екатерина Правилова любезно поделилась со мной замечательной архивной находкой, свидетельствующей об использовании «поэзии Пушкина» в идеологическом обосновании кишиневского погрома на Пасху 1903 года:

Мне местный военный следователь полковник Гинейко⁶ рассказал следующий случай, указывающий на то, что в числе подстрекателей к погрому были интеллигентные лица: здешний Священник Чигирь (?), выйдя 7 апреля из церкви и встретив толпу громил, стал уговаривать их не трогать евреев в эти святые дни и не осквернять великого христианского праздника. Тогда из толпы выступил

⁵ *Baughman E. W.* Type and Motif-Index of the Folktales of England and North America. The Hague, 1966. P. 400.

⁶ Бронислав-Людвиг Леонардович Гинейко (1857 — после 1918), военный следователь Одесского военного округа в 1892—1906 гг., полковник, впоследствии генерал-лейтенант (см.: *Волков С. В.* Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1. С. 350).

высокого роста мужчина, который, обратившись к священнику с вопросом: «Кто же, батюшка, Христа распял?» — и, не дождавшись ответа священника, закричал толпе: «Вот и батюшка говорит, что жида Христа распяли, и советует бить жидов», — а затем, подойдя к священнику и взяв его за крест, сказал: «Вам, батюшка, я думаю, известны стихи Пушкина, в коих он сказал: *Господине Иисусе Христе, Спаситель распят на кресте, а теперь новое горе, крест висит на воре*».⁷

Таких стихов у Пушкина, разумеется, нет, и речь здесь идет, как мы полагаем, об апокрифической эпиграмме поэта на мотив «молитвы Иисусовой», приведенной в статье Ч. Ветринского (В. Е. Чешихина), опубликованной в петербургском журнале «Образование». С личностью Пушкина, говорится в этой статье, у читателя из народа связываются разные анекдоты из его жизни, «Бог ведь какими судьбами проникшие в народную среду, иногда в искаженном виде». В сноске к этой фразе Ветринский опубликовал анекдот о встрече Пушкина с одним коррумпированным становым, ставший импульсом к созданию эпиграммы:

Пушкин жил в имении; в том стане становой был страшный взяточник, чрез что с Пушкиным, заступавшимся за обиженных, частенько бывали у него горячие споры. И вот пристава за долгую службу выслали орден; в это время в местном погосте была ярмарка, где пристав и захотел щегольнуть полученною наградой; на той же ярмарке был и Пушкин который, встретив станового и увидав у него в петлице орден, сказал: «*Господи Иисусе Христе, Ты спас разбойника на кресте, а нынче пришло ко мне горе, вижу — крест надет на воре*», чем будто бы и смутил станового.⁸

В 1967 году эту историю, со ссылкой на письмо «крестьянина Михаила Чихачева из Ашева Новоторжского уезда Псковской губернии», Б. С. Мейлах включил в статью «Пушкин в восприятии и сознании дореволюционного крестьянства».⁹

Эта же эпиграма цитировалась в «народной пушкинистике» как относящаяся к лицейскому эконому, «препорядочно набившему свой карман за счет желудков воспитанников, которые, конечно, крепко

⁷ Центральний державний історичний архів України, ф. 348, оп. 1, № 22, л. 124; здесь и далее курсив в цитатах мой. — *И. В.*

⁸ *Ветринский Ч.* Пушкин и читатель из народа: По поводу писем о Пушкине в «Сел<ьский> Вестник» // *Образование.* 1900. № 1. С. 94.

⁹ См.: *Мейлах Б. С.* Пушкин в восприятии и сознании дореволюционного крестьянства // *Пушкин: Исследования и материалы* Л., 1967. Т. 5. С. 110.

его не жаловали». Но начальство почему-то решило вознаградить его за службу орденом в петлицу или на шею, на что Пушкин написал «известную, в виде молитвы, эпиграмму: *«Господи Иисусе Христе! Ты спас вора на кресте. Теперь у вас другое горе: Спаси Ты крест на воре»*».¹⁰ Возможно, в этом анекдоте преломилось известное читателям конца XIX века отношение лицеистов к эконому Матвею Золотареву, пользовавшемуся скверной репутацией (по отзыву барона Корфа, он был «еще хуже жидов»¹¹). Ср. в лицейских сатирических куплетах:

Давайте петь Золотарева,
Хвала, хвала Золотарев!
Ты выдумал похабны яства,
Запиртал в пироги лекарства,
Тебя трясут за бакенбарду,
Ты спину гнешь и Эбергарду,
Искал Владимира в петлицу,
Набрел на Зассову сестрицу —
В петлицу влез З<олотаре>в.¹²

В свою очередь, князь С. Д. Урусов связал пушкинскую эпиграмму-молитву с всемогущим вельможей графом П. А. Клейнмихелем, якобы упрекнувшим поэта за то, что он не поздравил его с новым орденом:

Тогда Пушкин, воздев очи на новый крест, украшавший грудь Клейнмихеля, сказал следующий экспромпт: *«Боже праведный, Христе, Спас ты вора на кресте, — Теперь какое горе! Спаси ты крест на воре!!»* Молитва Пушкина услышана не была, ибо, как известно, и до наших дней многие кресты украшают воровские груди.¹³

По иронии судьбы именно либерал Урусов после кишиневского погрома¹⁴ был назначен бессарабским губернатором с заданием

¹⁰ Попов В. Энциклопедия остроумия: Собрание перлов всемирного остроумия. СПб.; М., 1904. С. 147.

¹¹ Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887. С. 255.

¹² Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811—1817): Бумаги I-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911. С. 237.

¹³ Урусов С. Д. Русские портреты. London, 1909. С. 159.

¹⁴ Его размышления о причинах погрома и впечатления от судебного процесса см.: Урусов С. Д. Записки губернатора: Кишинев 1903—1904 г. 2-е изд., доп. London, 1908. С. 101—116.

водворить порядок «средствами культурными, без репрессий, без военного положения, усиленной и чрезвычайной охраны».¹⁵

Политические отголоски «пушкинской» эпиграммы, как мы полагаем, слышны в неподцензурном сатирическом послании Ф. А. Кони «Стихи к императору Александру II при восшествии его на престол» (1856?), обыгрывающем лежащий в основе «молитвы» каламбур-остроту:

Не жди, чтобы цвела страна,
Где царство власти, не рассудка...
<...>
Где много есть свободных мест
Для угнетенья и позора;
Где вешают на вора крест,
А не на крест вздевают вора!
Где низость доставляет чин,
А чин дает на взятки право:
Кто низко ползал — исполнил,
Кто честно жил — упал без славы!¹⁶

В начале XX века «пушкинская» эпиграмма прочно вошла в общественный оборот. Так, знаменитый ботаник-физиолог К. А. Тимирязев цитировал ее в инвективе, направленной против «невежественных сил», которые скрываются «даже в рядах самих представителей науки»: «О Боже праведный Христе! / Ты, спасший вора на кресте, / Теперь другое горе — / Спаси свой крест на воре».¹⁷

Наконец, в 2006 году украинский исследователь Г. С. Киселев обнаружил в личном фонде городского головы Одессы и автора саркастических эпиграмм на чиновников П. А. Зеленого (1839—1912) список «полного» варианта этого стихотворения, в котором «отчетливая ироническая мысль» поэта приобрела сугубо морализаторский характер:

Крест в древни времена был казнию людей,
А нынче стал наградою судьей.

¹⁵ Цит. по: Миндлин А. Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. СПб., 2014. С. 69.

¹⁶ Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959. С. 167 («Б-ка поэта». Большая сер.).

¹⁷ Тимирязев К. А. Наука и демократия: Сб. статей, 1904—1919. Пг., 1916. С. 360.

Крест тот же, но не так его употребляют?
Не на кресте судей,
А крест на них цепляют.
О, господи, Иисусе Христе!
Ты спас вора на кресте.
Се ныне предстоит другое:
Спаси ты крест на воре.
А. Пушкин.¹⁸

«Неизвестно, как это стихотворение досталось П. А. Зеленому, — пишет Киселев, — но если исходить из оценки подлинных пушкинских стихов, находящихся в его деле, то он, во-первых, отбирал только те, в которых поэт предстает в своем свободолюбивом величии, во-вторых — проявляет ироническое отношение к государственным властям и их чиновной опоре». «Стихотворение, — заключает автор, — прежде не печаталось, да и не могло быть опубликовано в дореволюционной прессе».¹⁹

3

Следует заметить, что это передававшееся из уст в уста стихотворение атрибутировалось в XIX веке не только Пушкину, но и учителю С. Т. Аксакова, В. И. Панаева и Н. И. Лобачевского казанскому педагогу и стихотворцу Н. М. Ибрагимову (1778—1818). «Кто из старожил казанских, — вспоминал Н. Н. Булич, — не слышал четверостишия, обыкновенно приписываемого известному местному остроумцу, учителю словесности в гимназии и первому основателю в Казани Общества любителей российской словесности, Н. М. Ибрагимову, личность которого так симпатично обрисована в детских воспоминаниях Аксакова. Рассказывают, что на веселой попойке, устроенной директором гимназии и университета И. Ф. Яковкиным по случаю получения им какого-то ордена, Ибрагимов навеселе подошел к виновнику торжества и в присутствии всех обратился к нему с следующими словами: *“Господи Иисусе Христе! / Спас ты вора на кресте. / Теперь тебе другое горе — / Спасти крест на воре”*».²⁰

¹⁸ Одесский государственный областной исторический архив, ф. 162, оп. 1, № 17, с. 9 об. (цит. по: Киселев Г. С. Такая жизнь: Воспоминания, размышления, поэзия, научные статьи. Житомир, 2006. С. 247).

¹⁹ Киселев Г. С. Такая жизнь. С. 247.

²⁰ Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета. Казань, 1887. Ч. 1. С. 54. Впервые этот анекдот был напечатан в изд.: [Булич Н. Н.] Казанский

Эпиграмма Ибрагимова цитируется и в «Историческом вестнике» за тот же 1900 год, что и статья Ветринского. Любопытно, что эти же строки, с атрибуцией Ибрагимову, использовал в качестве эпитафии к 9-й главе поэмы «Казанский университет» (1970) Евгений Евтушенко.²¹

Между тем учитель географии А. Ф. Мартынов сообщал в 1891 году, что стихи эти якобы сочинил сам Яковкин в виде экспромта «на прокурора, получившего крест» (в этой же публикации отмечается, что этот текст «основательнее приписывается Пушкину»²²). В свою очередь, П. П. Суворов в «Записках о прошлом» (1898), рассказывая о коррупции в Сибири, приводит эти стихи как принадлежащие то ли казанскому поэту Ибрагимову, то ли Пушкину: «Господи, Иисусе Христе! / Ты спас вора на кресте; / — Теперь другое горе: / Спаси Ты крест на воре».²³

Насколько нам известно, это были первые в российской печати печатные указания на возможно пушкинское происхождение стихотворения. Единственное упоминание этой стихотворной остроты как псевдопушкинской находится в его библиографии со ссылкой на мемуары Суворова.²⁴ В современные издания и каталоги «мнимого» Пушкина эпиграмма на вора с крестом не включается.

Резонно было бы предположить, что грамотный новоторжский крестьянин из Ашева Чихачев отталкивался в своем письме в «Сельский вестник» от пушкинской версии происхождения этой эпиграммы, «спустившейся» в народную среду.

4

Но был ли Михаил Чихачев, написавший, согласно свидетельству Мейлаха, письмо, в котором приводился этот анекдот, кре-

---

университет в Александровскую эпоху // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. 1875. № 2. С. 241—288.

²¹ См.: Евтушенко Е. А. Казанский университет. М., 1971. С. 45; впоследствии автор заменил их в эпитафии на цитату из А. И. Ульяновой-Елизаровой: «С каким бы вопросом к нему ни обратиться, он отвечал неизменно одно: “Как Саша”» (Евтушенко Е. А. Избр. произв.: В 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 234). Кто знает, может быть, таким образом советский поэт обыграл имя другого автора, которому приписывались стихи о воре на кресте.

²² Мартынов А. Ф. Из архива Нижегородской классической гимназии // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. 1891. Т. 1. Вып. 10. С. 437.

²³ Суворов П. П. Записки о прошлом. М., 1898. Ч. 1. С. 145.

²⁴ См.: Берков П. Н., Лавров В. М. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1886—1899. М.; Л., 1949. С. 205.

стьянином, бог весть каким образом узнавшим об этой легенде? Похоже, что не был. По крайней мере, фамилия этого рассказчика встречается в пушкинской биографии периода северной ссылки.

В 1826 году агент начальника Южных поселений гр. И. О. Витта Александр Бошняк был отправлен в Псковскую губернию с целью «возможно тайного и обстоятельного исследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян», и для «арестования его и отправления куда следует, буде бы он оказался действительно виновным». Следуя через Порхов на Новоржев, Бошняк получил первые сведения о Пушкине «на станции Ашеве», а затем «в новоржевской гостинице» познакомился с уездным заседателем Михаилом Чихачевым, который заявил, что с Пушкиным был сам лично знаком и что поэт «ведет себя весьма скромно и говаривал не раз: “Я пишу всякие пустяки, что в голову придет, а в дело ни в какое не мешаюсь. Пусть кто виноват, тот и пропадает; я же сам никогда на галерах не буду”». ²⁵ Михаил Николаевич Чихачев был морским офицером, участником Наполеоновских войн, вышедшим в отставку по болезни в конце 1821 года и поселившимся «в псковских родовых вотчинах». От отца он унаследовал 179 душ. Ему принадлежали в Новоржевском уезде село Михайловское, деревни Горки, Тюирово, Желнино, Веряндол, Черемша, Федорково, Загорицы и Соколово. Деревни Чихачева находились верстах в десяти от Михайловского. ²⁶ На несколько трехлетий этого помещика выбирали в заседатели Новоржевского уездного суда. Умер он в начале 1830-х годов (не позже 1834-го). ²⁷

Логичнее всего заключить, что именно этот Михаил Чихачев (дворянин, а не «лубочный» крестьянин) и был источником анекдота о Пушкине и незаслуженно получившем награду становом, впервые приведенного Ветринским без указания на конкретный источник (авторство). Добавим, что упоминание ярмарки, на которой Пушкин якобы произнес эту эпиграмму («становой был страшный взяточник, через что с Пушкиным, заступавшимся за обиженных, частенько бывали у него горячие споры <...> в это время в местном погосте была ярмарка, где пристав и захотел щегольнуть полученною наградой» и т. д.), согласуется с сообщением игумена Иоанна о том, как поэта однажды арестовал местный капитан-исправник

²⁵ Рапорт и «Записка о Пушкине» А. К. Бошняка... // Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1799–1829. СПб., 2007. С. 517, 518.

²⁶ См.: Псковская земля: История в лицах. М., 2006. Т. 1. С. 207.

²⁷ Чихачевы // Централизованная библиотечная система города Пскова [https://bibliopskov.ru/chihachovy/; дата доступа: 9 сентября 2025].

на ярмарке у стен Святогорского Успенского монастыря за странное поведение,²⁸ а знакомый становой пристав его освободил.

Соблазнительно предположить, что псковский судебный заседатель Чихачев описал по памяти реальный случай, и эпиграмму Пушкина, таким образом, можно было бы перенести из раздела «мнимого Пушкина» в предложенный Е. О. Ларионовой особый раздел «устных экспромтов» поэта, включающий «случайно сказанную рифмованную шутку, никогда самим автором не записывавшуюся, да, вероятно, и не запоминавшуюся».²⁹

Если наша версия о том, что в основе этого анекдота находились воспоминания дворянина Чихачева, верна, то возникает вопрос, как письмо этого пушкинского знакомого попало в конце столетия в «Сельский вестник», служивший «для многих читателей, особенно из глухих углов, единственным источником сведений о Пушкине и его творчестве».³⁰ Можно, конечно, допустить, что оно было написано одним из родственников и потомков Чихачева. Или что оно опирается на какой-то не дошедший до нас мемуар последнего. Или что Мейлах ошибочно (по инерции) конкретизировал автора как крестьянина. Или же мы имеем дело с чьей-то мистификацией, основанной на информации о реальном факте из пушкинской биографии.

Увы, ответить на этот вопрос мы не можем, но совершенно очевидно, что даже если история, рассказанная Чихачевым, случилась на самом деле, Пушкин не был сочинителем этой эпиграммы, а просто процитировал чужую «ходячую» остроту, примененную к подходящему случаю.

5

Действительно, текст «пушкинской» шутки представляет собой не что иное, как перевод известной с первой половины XIX века французской эпиграммы на получение господином де Казом

---

²⁸ Пушкин явился на ярмарку в белой крестьянской рубаше «с красными ластовками» и красным поясом «и вместе с нищими при монастырских воротах участвовал в пении стихов о Лазаре, Алексее, человеке Божиим, и других, тростию же с бубенчиками давал им такт, чем привлек к себе большую массу народа и заслонил проход в монастырь» (*Иоанн, игумен*. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899. С. 111).

²⁹ Ларионова Е. О. Мелочи о Пушкине. 3. Устные экспромты Пушкина и их место в собраниях сочинений // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2013. Вып. 31. С. 163.

³⁰ Мейлах Б. С. Пушкин в восприятии и сознании дореволюционного крестьянства. С. 99.

(M. de Caze) креста Почетного легиона, учрежденного Наполеоном в 1802 году:

Dans les temps affreux d'autrefois
On mettait sans pitié les voleurs sur la croix;
Grâce au changement de nos mœurs,
C'est la croix aujourd'hui qu'on met sur les voleurs.³¹

Эта эпиграмма, известная в разных вариантах,³² в XIX веке была переведена на несколько европейских языков и приписывалась перу нескольких поэтов.

На английский:

ON THE NOMINATION OF A NEW MEMBER
OF BONAPARTE'S LEGION OF HONOUR

In ancient times — 'twas no great loss —
They hung the thief upon the cross:
But now, alas! I say 't with grief,
They hang the cross upon the thief.³³

На итальянский:

In tempi men leggiadri e più feroci
i ladri si appendevano alle croci.
In tempi men feroci e più leggiadri
si appendono le croci in petto ai ladri.³⁴

³¹ *Reeve I. J.* The wild garland, or Curiosities of poetry. London, 1866. Vol. 2: Epigrams. P. 131. См. также: *Carey Ch. S.* A Commonplace Book of Epigrams analytically arranged. London, 1872. P. 168; *Weber F. P.* Aspects of Death and Correlated Aspects of Life in Art, Epigram, and Poetry. London, 1922. P. 368.

³² См. другой вариант этой эпigramмы, приписываемой «Alfred Nettement, le baron de Planhal» (псевдоним французского литератора Этьена Леона де Ламот-Лангона (Étienne Léon Lamothe-Langon; 1786—1864)): «L'histoire nous dit qu'autrefois: / On pendait les voleurs aux croix: / Aujourd'hui les temps sont meilleurs / Et l'on pend les croix aux voleurs» (L'Intermédiaire des chercheurs et curieux. 1886. 25 juin. P. 369).

³³ The Portfolio by Oliver Oldschool. Philadelphia, 1818. P. 234.

³⁴ *Mazzini G.* Poesie giovanili. Milano, 1926. P. 149. Здесь же приводится итальянская история этой популярной политической эпigramмы, приписывавшейся разным авторам и возникшей, по мнению одного ученого, в 1860 году в связи с переносом столицы во Флоренцию, когда «начался большой дождь крестов», а по мнению Артуро Салуччи — перу самого Маззини в середине 1820-х годов (p. 149—152).

На испанский:

Cuando en oscuras andaban las naciones,
Colgabanse á las cruces los ladrones,
Desde que se encendieron tantas luces,
A los ladrones cuélganse las cruces.³⁵

Есть и португальская версия этой эпиграммы, датируемая серединой XIX века, — юмористический куплет, высмеивающий «показную набожность нечистых на руку людей»:

No tempo de barb'ras nações
Pregravam os ladroes nas cruces,
Hoje, no sec'lo das luzes,
Pregam as cruces nos ladroes.

<Во времена рожденья наций
Висели воры на крестах,
Теперь же, в век цивилизаций,
Кресты висят на всех ворах. — *порт.*>³⁶

Замечателен «русский след» в истории этой эпиграммы. В 1838 году российский дипломат и поэт-романтик барон Аполлоний фон Мальтиц (1795—1870) напечатал следующее переложение этого стихотворения с русского языка на немецкий:

DER DIEBISCHE BEAMTE UND ORDENSRIITTER
(AUS DEM RUSSISCHEN)

Jesus Christus, Herr der Liebe,
Rettetest den Dieb vom Kreuz;

³⁵ *Caballero F. Nouvelles andalouses: Scènes de moeurs contemporaines. Paris, 1859. P. 324.* Здесь приводится другой вариант французской эпиграммы: «Vous vous figuriez au village / Qu'on mettait en croix les voleurs; / Aujourd'hui c'est un autre usage: / On pend la croix sur les voleurs» («Вы воображали в деревне, / Что воров распинают на кресте; / Теперь же обычай иной: / Крест вешают на воров»). Острота о кресте на воре («la croix sur les voleurs») представлена в стихотворении поэта-песенника Эжена де Лонле (Eugène de Lonlay; 1815—1866) «Крест» («La Croix») об одном предприимчивом еврее (см.: *Lonlay E. de. Éloge de Bruxelles. Bruxelles, 1885. P. 16.*)

³⁶ Приписывается первой исполнительнице фаду певице Марии Севере (Maria Severa; 1820—1846) (см.: *Calvalho P. de. História do Fado. Lisboa, 1903. P. 180—181*); перевод Т. Г. Торошиной (*Торошина Т. Г. Фаду как объект лингвокультурологического и лингвостилистического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 11.*)

Nun entheb' uns größ' ren Leid's,
Rette nun das Kreuz vom Diebe.³⁷

Друг В. А. Жуковского, Мальтиц хорошо знал русскую поэзию и переводил на немецкий Пушкина, Лермонтова и Тютчева.³⁸ Одним из его любимых жанров была эпиграмма.³⁹ В 1836 году он вместе с капитаном 2-го ранга выпускником Царскосельского лицея П. А. Чихачевым (видимо, родственником псковского приятеля Пушкина, рассказавшего об эпиграмме на станового) составил обзор стран Латинской Америки. Насколько нам известно, публикация Мальтица является первым по времени указанием на российское происхождение этой поэтической шутки, скорее всего представлявшей собой перевод приведенного выше французского стихотворения. Существуют и другие немецкие варианты этой эпиграммы и лежащей в ее основе каламбурной шутки, в частности — опубликованный в 1850 году перевод, прямо атрибутированный русскому поэту Пушкину:

Christus! Du hast einst erlöset vom Kreuze den Dieb;
Schwerere Arbeit stehet jest Dir bevor:
Erlöse das Kreuz von den Dieben!⁴⁰

Вообще есть основания полагать, что истоки остроты на незаслуженный крест восходят к латинской средневековой традиции. Так, во время Первой мировой войны известный английский политик и образованный поэт-дилетант лорд Керзон опубликовал направленное против помпезного германского милитаризма стихотворное переложение латинской сентенции «Fertea Стух. Affixus olim fur cruci nunc stux fugi» («Железный крест. Крест, к которому был некогда привязан вор, теперь стал крестом на воре»):

In olden days they hanged the thief
And on the cross he clung

---

³⁷ *Maltitz A., von. Gedichte. Muenchen, 1838. Bd 2. S. 132;* перевод: «Чинovníк-вор и орденоносец (С русского) / Иисус Христос, Господь любви, / Ты спас вора с креста; / Теперь избавь нас от больших страданий, / Спаси теперь крест от вора» (нем.).

³⁸ Об истории российских связей Мальтица см.: *Киселев В. С. Друзья, поэзия, политика: Переписка В. А. Жуковского и А. фон Мальтица: 1822—1851 гг. // Переписка В. А. Жуковского и А. фон Мальтица, 1822—1851. Томск, 2022. С. 4—38.*

³⁹ См.: *Maltitz A., von. Drei Fähnlein Sinngedichte. Ein Fähnlein Sonette. Ein Fähnlein Fabeln. Ein Fähnlein Humor. Anhang. Berlin, 1844.*

⁴⁰ *Das Preussenthum und die hohenzollernsche Politik. Kassel, 1850. S. 25* («die beißendsten Epigramme, unter denen das des russischen Dichters Puschkin»).

But now we've turned another leaf
The cross on thieves is hung.⁴¹

Приведем русский перевод этого стихотворения, озаглавленный «На награждение одного человека орденом»:

В Риме был закон суров:
Вешали на крест воров.
Мы же, к нашему позору,
Стали вешать крест на вора.⁴²

Любопытно, что в XX веке приписанная Пушкину оскорбительная стихотворная остроота стала предметом судебного разбирательства в Америке и даже вошла в анналы американской юриспруденции. В 1936 году Иллинойский апелляционный суд рассмотрел иск американского гражданина польского происхождения доктора Казимира Журавского против польскоязычного американского издания «Dziennik Zjednoczenia». Журавский получил орден от правительства Польши за государственные заслуги, но редактор газеты решил, что эта награда была незаслуженной, и включил в свою статью эпиграмму Пушкина, написанную по случаю награждения орденом «вора». В материалах дела она воспроизводится по-английски:

Oh! Lord God Jesus Christ!
You have saved a thief on a cross
And now you have new trouble
To save a cross on a thief!⁴³

Журавский счел эту опубликованную в газете эпиграмму диффамацией, но апелляционный суд не внял его доводам:

Истец заявил, что смысл статьи заключался в том, чтобы назвать его «вором», однако суд пришел к выводу, что статья не может быть истолкована таким образом. <...> Мы не можем согласиться с доводами адвоката истца о том, что слово «вор» в статье

---

⁴¹ Curzon of Kedleston G. N. War Poems and Other Translations. London, 1915. P. 40.

⁴² Бен Г. Английская и американская эпиграмма // Время и мы. 1978. № 78. С. 92.

⁴³ The United States Court of Appeals for the Seventh Circuit. № 10174. Chicago, 1950. P. 15.

означает, будто истец совершил преступление, квалифицируемое как кража. В представленных нам фактах отсутствует что-либо, что указывало бы на предъявление обвинения, способного поставить под сомнение честность истца. Использование слова «вор» в рассматриваемой статье не было прямо применено к истцу с намерением создать у читателей впечатление, что истец виновен в совершении кражи. И если использованные слова не создают у читателя представления о том, что истец является вором в смысле совершения преступления, предусмотренного законом, то эти слова не являются клеветой, как это утверждается.⁴⁴

Иначе говоря, оскорбительная эпиграмма о «воре с крестом» была истолкована судом как фигура речи, иск был отклонен, а «пушкинское» пятно на репутации Журавского осталось.

6

Обратимся к прагматике этой «ветхой» эпиграммы. Как мы видели, отличительным свойством последней является не только ее «переменное авторство» (Пушкин или Ибрагимов), но и «переменная» сатирическая адресация (апликация), запрограммированная в ее изначальном, «западном» бытовании.

Так, к приведенному выше перечню российских объектов насмешки добавим упомянутого в мемуарах вице-председателя Новороссийского общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевича (1806—1883) губернского предводителя Воеводского, которого за раздачу пособий разоренным во время войны 1812 года помещикам власти пожаловали Владимирским крестом, но, узнав о его лихоимстве, удалили от должности. «На его счет, — вспоминал Мурзакевич, — кто-то импровизировал: *О Господи! Ты спас разбойника на кресте, / Теперь предстоит другое горе: / Спаси Ты крест на воре!*»⁴⁵ (на этот анекдот ссылался в 1914 году А. Амфитеатров⁴⁶).

Наконец, к тем же самым стихам, но без указания на чье-либо авторство, отсылают читателя написанные в эмиграции воспоминания «Очерки уголовного мира царской России» начальника Московской сыскальной полиции Аркадия Францевича Кошко (1867—1928). В них эта евангельская шутка применена, как и в истории о погроме, к священнику (то есть место креста св. Владимира занимает наперсный крест). Настоятель церкви Литовского тюремного

⁴⁴ Ibid. P. 15—16.

⁴⁵ Русская старина. 1887. № 1. С. 27.

⁴⁶ См.: Амфитеатров А. Собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 5. С. 477.

замка о. Владимир Воздвиженский, вспоминает Кошко, «принадлежал <...> к тому редкому типу православных пастырей, не верующих ни в Бога, ни в черта и видящих в своем священстве лишь доходную статью, стремясь извлечь из всего максимальную выгоду, не брезгуя при этом никакими средствами». Мемуарист указывает, что «и частная жизнь о. Владимира была порочна: вечные кутежи, иногда даже оргии, карты и женщины, — вот его обычное времяпрепровождение». Кошко и его подчиненный В. Г. Филиппов вызвали священника на допрос. «Откормленный человек с рыжей бородой, волнистыми кудрями, в шелковой рясе», о. Владимир старался держать себя «приветливо, независимо и боголепно». Но Филиппов прервал его: «А знаете ли, батюшка, что на Голгофе, рядом со Спасителем, висел и вор на кресте, а вот здесь — крест висит на воре! — и он указал на наперсный крест батюшки...» В итоге за свои спекуляции «отец Владимир был лишен сана и приговорен к полтора годам арестантских работ».⁴⁷

Для полноты картины приведем также свидетельство агента советской разведки, что некий отец Иона, «член шан-хуя», делегированный белогвардейскими заговорщиками в Китай «для отыскания средств существования белой эмиграции и военных отрядов», получил перед отъездом в подарок золотой крест с бриллиантами. По поводу этого дара было сочинено четверостишие: «Господи, ты спас вора на кресте, спаси же теперь крест на воре».⁴⁸

О тривиализации остроты о кресте и воре в XX веке свидетельствует новелла Николая Атарова, герой которой, играя в билиард, «после каждого положенного шара приговаривал: “Господи, ты спас вора на кресте, спаси теперь крест на воре”» (возможно, речь идет о меченном крестиком шаре-битке).⁴⁹

7

Очевидно, что стихи, с угрозой переадресованные кишиневским интеллигентом-погромщиком человеколюбивому священнику, в начале XX века связывались с пушкинской легендой в народном (крестьянском) преломлении (о пушкинском знакомце дворянине

⁴⁷ Кошко А. Ф. Розовый бриллиант: Очерки уголовного мира царской России. М., 2015. С. 134.

⁴⁸ Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 507.

⁴⁹ Атаров Н. С. Настоящее время: Рассказы. М., 1939. С. 211. Шутка о кресте на воре упоминается и в романе «Цусима» (1932) А. С. Новикова-Прибоя: «Раньше разбойников вешали на крестах, а теперь наоборот — разбойникам вешают на грудь кресты» (Новиков-Прибой А. С. Собр. соч.: В 5 т. М., 1963. Т. 3. С. 358).

Чихачеве погромщик, конечно, ничего не мог знать). В этой легенде эпиграмма-молитва, восходящая к французскому источнику, неизменно относилась к коррумпированному (недостойному награды) представителю власти или духовенства (эконому, становому, вельможе, губернскому предводителю дворянства, прокурору, университетскому администратору, военному, ученому-карьеристу и, наконец, священнику) и ассоциировалась, как уже говорилось, с орденским или наперсным крестом.

Примечательно, что в цитате, приведенной в обнаруженном Екатериной Правиловой протоколе,⁵⁰ обращение к Иисусу может быть также отсылкой к «православному мифу» о Пушкине, якобы скончавшемся, «осенив себя крестным знамением» и с молитвенным обращением «Господи Иисусе Христе»⁵¹ (отсутствующая во всех версиях «стихотворения Пушкина» форма «господине» в протоколе допроса, кажется, имеет южнославянское или украинское происхождение).

Как известно, российские церковные деятели осудили кровавый погром 1903 года. Даже антисемитски настроенный архиепископ Антоний Вольнский (1863—1936), по воспоминаниям В. В. Шульгина, «произнес речь с крестом в руках с церковного амвона», содержание которой сводилось к следующему:

— Люди, совершившие кровавую расправу над евреями в Кишиневе, не смеют называть себя христианами. Они поддались бесовскому наваждению. Христиане не смеют забывать, что господь наш Иисус Христос по плоти был евреем, так же как и святые его апостолы. Мать Иисуса Христа была еврейка. Она имела родственников среди своего родного народа. Потомки их, быть может, и сейчас живут в еврейской среде. Ужасно подумать, что среди убитых в Кишиневе, быть может, есть люди, в жилах которых струилась кровь, близкая крови богоматери, пресвятой Марии.⁵²

В материалах судебного дела и газетах подчеркивалось, что в организации погрома участвовали представители местной шовинистически настроенной интеллигенции. Согласно показаниям пристава Лучинского, некий Балдырь, содержатель трактира «Версаль», предъявил ему «грамотно и логично» составленное «письмо, в ко-

⁵⁰ См. выше примеч. 7.

⁵¹ Чернавин И., *прот.* Пушкин как православный христианин. Прага, 1936. С. 22.

⁵² Шульгин В. В. Годы: Воспоминания бывшего члена Государственной думы. М., 1979. С. 95.

тором говорилось, что евреи распяли Христа, бранят нашего Батюшку-Царя, убили христианского мальчика в Дубоссарах, и предлагалось разгромить евреев на Пасху» (очевидно, что именно эта «методичка» лежит в основе свидетельства священника из кишиневского протокола: «...кто же, батюшка, Христа распял <...> вот и батюшка говорит, что жида Христа распяли, и советует бить жидов»). Другой свидетель, подполковник Тарновский, арестовал «старика-интеллигента, кричавшего громилам “валяй, ребята”». Этот провокатор «возбуждал громил своим авторитетом, оказывал влияние на толпу, подстрекая ее».⁵³

Интересно было бы попытаться идентифицировать долговязое «интеллигентное лицо», натравлявшее, по свидетельству полковника Гинейко, толпу громил на еврейское население и угрожавшее священнику словами псевдо-Пушкина. Этого активиста, видимо, следует искать среди сочинителей провокационных прокламаций и журналистов местных антисемитских газет, воспринимавших поэта как самое воплощение «русского духа», яркого националиста, воспевавшего любовь к царю, родному пепелищу и отеческим гробам (возможно, что текст «пушкинской» эпиграммы приводился в одной из таких публикаций). Большим почитателем Пушкина был, в частности, издатель и рупор юдофобских газет «Бессарабец» и «Знамя» П. А. Крушеван (1860—1909) — в свое время автор статей и стихов о поэте:

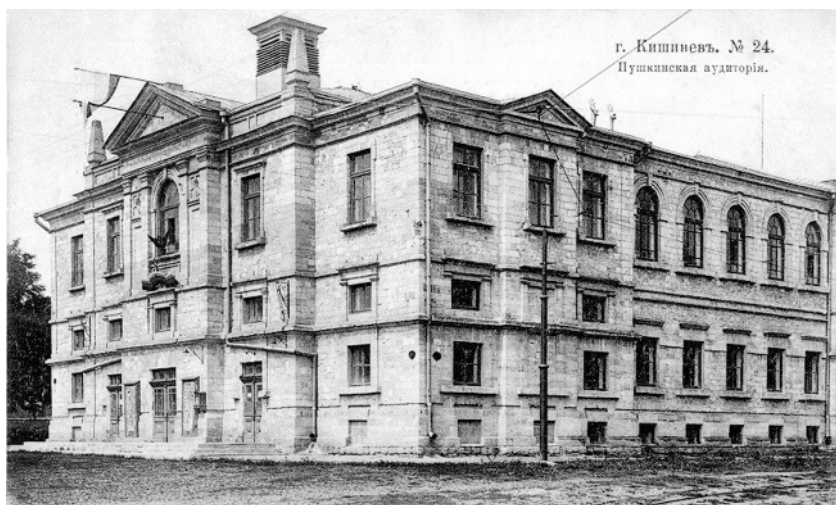
Сбылось твое пророческое слово:
«Народная тропа не заросла»...
И даже здесь, где ты в изгнании томился,
Где осужден был тосковать,
Родной народ теперь соединился,
Чтобы достойное достойному воздать.⁵⁴

В этом контексте символично, что в первую очередь разгрому подверглись еврейские магазины на Пушкинской улице Кишинева (там же, к слову сказать, находился и «народный театр» Пушкинская аудитория, курировавшийся русскими националистами).⁵⁵

⁵³ Кишиневский процесс: Показания свидетелей // Освобождение. 1904. № 15—16. С. 271.

⁵⁴ Цит. по: Кишиневские чтения. № 24: Легенды и были Казенного сада и его окрестностей от краеведа и кафедржиу Александра Стукалова [<https://www.md.kp.media/daily/27362/4544313/>; дата доступа: 13 марта 2025].

⁵⁵ Среди участников погрома были и представители власти. Впоследствии владелец разграбленного ювелирного магазина на Пушкинской пожаловался на околоточного надзирателя Кукурузу за похищение ложек (см.: Кишиневский процесс: Показания свидетелей. С. 279).

Кишинев. Пушкинская аудитория. Открытка нач. XX века

С гораздо большей уверенностью мы можем говорить о том, кем был тот человеколюбивый священник, которому угрожал погромщик-интеллигент. Скорее всего, речь здесь идет не о загадочном Чигире (ошибка протоколиста), а об известном кишиневском православном деятеле, просветителе гагаузского народа протоиерее Михаиле Чакире (1861—1938), речи которого были недавно собраны и опубликованы в Молдавии.⁵⁶ Чакир был монархистом, сторонником русификации своего народа и, судя по всему, проповедником, близким к кругу русских националистов. По иронии судьбы именно он несколько лет спустя произнес «прочувствованное слово» памяти Крушевана «во время запричастного стиха перед телом покойного редактора газеты “Друг”», а затем участвовал в благодарственном молебне по случаю четырехлетия со дня основания Бессарабского отдела Союза русского народа в Пушкинской аудитории.⁵⁷

⁵⁶ См.: Чакир М., *прот.* Статьи по истории гагаузов Бессарабии в журнале «Viata Basarabiei» (Бессарабская жизнь) / Сост. В. Цвиркун, И. Думиника, В. Сырф. Кишинев, 2018; Священник Михаил Чакир: Публикации автора и материалы о нем в журнале «Кишиневские епархиальные ведомости» / Сост. И Думиника, В. Сырф. 2-е изд. Кишинэу, 2022.

⁵⁷ Священник Михаил Чакир. С. 414, 443. В конце 1900-х годов в Пушкинской аудитории прот. Михаил Чакир проводил религиозно-нравственные беседы для народа. Одна из них (21 марта 1910 года) была посвящена силе креста и крестного знамения (см.: Там же. С. 431). В 1911 году на заседании Христорождественского Братства и епархиального съезда духовенства он сообщил, что

Но Кишиневский погром, судя по приведенному протоколу, он, слава Богу, не поддержал.

Разумеется, поэзия Пушкина с антисемитской повесткой не имеет ничего общего. Сам же Кишинев был городом, связанным со множеством пушкинских историй, стихотворений и апокрифов,⁵⁸ затрагивавших и еврейско-евангельскую тему. Здесь были написаны эротическая пасхальная шутка «Христос воскрес, моя Ревекка...» и игривая «Гавриилиада», породившие легенду о тогдашней связи поэта с некой молодой еврейкой. Как утверждает (неизвестно на чем основываясь) современный автор, один из внебрачных кишиневских потомков Пушкина был убит как раз во время погрома на Пасху 1903 года: «Приняли за жида. Волосы отчаянно кучерявились...»⁵⁹ Это явная, но по-своему, увы, правдоподобная фантазия.

* * *

Подведем итог. Обнаруженную историком в материалах кишиневского процесса «пушкинскую молитву» следует отнести к ряду «мнимых» или «устных» поэтических высказываний поэта, восходящих к традиции «тенденциозного» или «оскорбительного» (во фрейдовской интерпретации) французского острословия и приобретающих «реальность» в практической (идеологической, политической, «воровской») инструментализации пушкинского имени и творчества. Можно сказать, что в российской культурной мифологии поэту постоянно приходится «вещать» и «шутить» в соответствии с досужим любопытством и убеждениями окружающих его у подножья «креста честного» политически ангажированных интерпретаторов.

Илья Виноцкий

«в день принесения Гербовецкого образа Божией Матери евреи смущали христианскую прислугу, спрашивая ее, чтобы она сама сказала, как Пресвятая Дева могла чудесно родить, разве это возможно?» (Там же. С. 476).

⁵⁸ См. нашу работу о кишиневских стихах «Дракула руссула» — мнимого Пушкина (Виноцкий И. Ю. Призраки Пушкина: Национальный поэт на rendez-vous. М., 2025. С. 85—104).

⁵⁹ Лорченков В. В. Бессарабский романс. Ч. 1 // Урал. 2021. № 4. С. 26; ср. в мемуарах о кишиневской жизни Пушкина: «Бывало, Пушкин часто гулял в городском саду. Но всякий раз он переодевался в разные костюмы. Вот уж смотришь — Пушкин серб или молдаван, а одежду ему давали знакомые дамы. Молдаваны тогда рясы носили. В другой раз смотришь — уже Пушкин турок, уже Пушкин жид, так и разговаривает, как жид» (цит. по: Вересаев В. В. Пушкин в жизни. 6-е изд., значит. доп. М., 1936. Т. 1. С. 195).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 40

Санкт-Петербург
2026

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Ответственный редактор
А. Ю. БАЛАКИН

© Авторы статей, 2026
© Пушкинская комиссия РАН, 2026